

ВЯЧЕСЛАВ ГОТ

ПРАХ МЕЖДУ СТРАНИЦАМИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Вячеслав Гот

Прах между страницами

<https://litres.ru/74495408>

SelfPub; 2026

Аннотация

Монастырь хранит тайну, за которую готовы убивать.

Средневековая Италия. В монастыре происходит загадочная смерть. Рядом с телом находят древнюю книгу, которой нет ни в одном каталоге.

Вскоре погибают ещё двое монахов. Молодой учёный Маттео обнаруживает закономерность: все жертвы перед смертью читали одну и ту же запрещённую рукопись.

Кто-то веками пытался уничтожить её следы. И теперь готов убить каждого, кто приблизится к разгадке.

Кому принадлежит таинственная книга? Что она скрывает? И кто следующим окажется среди её страниц?

Содержание

Глава 1. Прибытие	4
Глава 2. Библиотека	11
Глава 3. Первый мёртвый	18
Глава 4. Келья с запертой дверью	25
Глава 5. Настоятель	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Вячеслав Гот

Прах между страницами

Глава 1. Прибытие

Аббатство Сан-Микеле, Апеннины, октябрь 1347 года

Дождь начался на перевале и не прекращался уже третий час.

Маттео ди Барди прижался к скале, пропуская мимо мула с поклажей, и вытер лицо рукавом промокшей насквозь туники. Внизу, в ущелье, клубился туман — густой, как молоко, налитое в каменную чашу. Где-то там, за пеленой, звонил колокол. Звук доносился слабо, приглушённо, словно из-под воды.

— Ещё полмили, — сказал проводник, не оборачиваясь. — Если не свалимся.

Маттео ничего не ответил. Он смотрел на дорогу — вернее, на то, что когда-то было дорогой. Каменные плиты, уложенные ещё римлянами, теперь крошились под копытами, и между ними проросли колючие кусты. Дорога вела вверх, к зубчатой стене, едва различимой сквозь дождь. Аббатство Сан-Микеле. Одно из старейших в Тоскане. Основано в шестом веке, перестроено в десятом, укреплено в двенадцатом. Так, по крайней мере, утверждала хроника, которую Маттео

изучал в Болонье.

Хроника умалчивала о многом.

Он прибыл сюда по приглашению настоятеля — получить доступ к библиотеке, одной из богатейших в Италии. Триста двадцать томов, включая палимпсесты и ранние кодексы. Для учёного, посвятившего себя изучению раннехристианских текстов, это было всё равно что приглашение в рай. Или в чистилище — в зависимости от того, как посмотреть.

Мул оступился на мокрых камнях, и проводник выругался сквозь зубы. Маттео придержал сумку с письменными принадлежностями — единственное, что он взял с собой, кроме смены одежды и рекомендательного письма от ректора Болонского университета.

Письмо было коротким. «Маттео ди Барди, магистр искусств, сведущ в латыни, греческом и древнееврейском. Проявляет интерес к текстам, которые лучше не читать. Прошу оказать содействие в меру возможностей».

Подпись: «Твой покорный слуга, Джованни да Фиезоле».

Маттео знал, что ректор недолюбливал его. Слишком много вопросов, слишком мало смирения. Но ректор также знал, что Маттео — один из немногих, кто способен разобрать палимпсест, не повредив нижний слой. А библиотека Сан-Микеле славилась именно палимпсестами — пергамен-тами, с которых соскоблили старый текст, чтобы написать новый. Иногда — чтобы скрыть то, что было написано раньше.

Стена аббатства вынырнула из тумана внезапно. Маттео увидел ворота — дубовые, окованные железом, с решёткой, опущенной до земли. Над воротами — каменный барельеф: архангел Михаил с мечом, поражающий дракона. Дракон был изображён странно — не змей, не ящер, а нечто среднее между человеком и птицей. Маттео нахмурился. Он не помнил такого изображения в описаниях аббатства.

Проводник дёрнул за верёвку, свисавшую из стены. Где-то внутри зазвонил колокольчик. Прошло несколько минут, прежде чем в воротах открылось маленькое окошко.

— Кто такие? — Голос был хриплым, недоверчивым.

— Маттео ди Барди, — ответил он, подходя ближе. — По приглашению настоятеля. Письмо от ректора Болоньи.

Окошко закрылось. За воротами послышались шаги, потом скрип засова. Створка приоткрылась ровно настолько, чтобы пропустить человека.

— Входите. Быстро.

Маттео шагнул внутрь. Проводник остался снаружи — ему не позволили войти. Ворота захлопнулись за спиной с глухим стуком, и Маттео оказался в узком дворе, вымощенном серым камнем. Дождь здесь был не таким сильным — стены галереи защищали от ветра.

Монах, открывший ворота, был немолод, с лицом, испещрённым морщинами, и глазами, которые смотрели куда угодно, только не на гостя.

— Брат Ансельмо, — представился он. — Привратник.

Настоятель ждёт вас в трапезной. Я провожу.

Он повернулся и пошёл, не дожидаясь ответа. Маттео последовал за ним, оглядываясь по сторонам. Двор был пуст. Ни монахов, ни послушников, ни слуг. Только дождь стучал по черепице и ветер шевелил сухие листья в углах.

— Брат Ансельмо, — окликнул Маттео. — В аббатстве всегда так тихо?

Монах не обернулся.

— Сейчас время работы, — ответил он после паузы. — Все в скриптории и на полях.

Это была ложь. Маттео слышал это по голосу — слишком гладкому, слишком заученному. Но он не стал настаивать. В монастырях не любят любопытных гостей.

Они прошли через крытую галерею, мимо ряда арок, выходящих во внутренний сад. Сад был запущен — кусты роз переросли, дорожки заросли травой. В центре — каменный фонтан, сухой и потрескавшийся. Над фонтаном — ещё один барельеф. Тот же архангел. Тот же странный дракон.

— Кто изображён на барельефах? — спросил Маттео.

Брат Ансельмо остановился. Медленно повернулся. Его лицо ничего не выражало.

— Архангел Михаил, — сказал он. — Покровитель аббатства.

— А дракон?

— Зло. — Он помолчал. — Просто зло.

Он снова пошёл вперёд, и Маттео заметил, как дрогнули

его пальцы, сжимавшие край рясы.

Трапезная была большим залом с низким сводчатым потолком и длинными дубовыми столами. Сейчас здесь никого не было, только свечи горели в железных подсвечниках, отбрасывая дрожащие тени на стены. В дальнем конце зала, за отдельным столом, сидел человек в чёрной рясе с серебряным крестом на груди.

Настоятель.

Он был стар — очень стар, с кожей, похожей на пергамент, и глазами, которые, казалось, видели всё и не удивлялись ничему. Рядом с ним стоял кувшин вина и две чаши.

— Маттео ди Барди, — произнёс настоятель, и голос его был тихим, но ясным. — Наконец-то. Я ждал вас.

Маттео подошёл ближе и поклонился.

— Отец настоятель. Благодарю за приглашение.

— Оставь благодарности, — настоятель махнул рукой. — Садись. Выпей вина. Ты, должно быть, замёрз.

Маттео сел напротив. Брат Ансельмо остался стоять у двери, сложив руки на груди. Настоятель налил вина в обе чаши.

— Ты знаешь, зачем я тебя позвал? — спросил он.

— Работа с рукописями, — ответил Маттео. — Библиотека вашего аббатства...

— Библиотека, — перебил настоятель. — Да. Библиотека. — Он отпил вина и поставил чашу на стол. — Скажи мне, Маттео. Ты веришь в то, что некоторые знания должны оставаться скрытыми?

Вопрос был неожиданным. Маттео помедлил с ответом.

— Я верю, что знания опасны, — сказал он наконец. — Но не верю, что их можно спрятать. Рано или поздно они найдут способ выйти наружу.

Настоятель долго смотрел на него. Потом улыбнулся — едва заметно, одними губами.

— Хороший ответ, — сказал он. — Именно поэтому я и выбрал тебя.

Он поднялся, и Маттео поспешил встать.

— Отдыхай сегодня, — сказал настоятель. — Завтра брат Ансельмо покажет тебе библиотеку. Ты найдёшь там много интересного. — Он помолчал. — И, возможно, слишком много.

Он вышел из трапезной, не оборачиваясь. Брат Ансельмо шагнул вперёд.

— Я провожу вас в келью, — сказал он.

Маттео кивнул, но прежде, чем уйти, бросил последний взгляд на стол настоятеля. Рядом с чашей лежала книга — небольшая, в кожаном переплёте, с застёжками из потемневшего серебра. Он не заметил её раньше.

На корешке не было названия. Только выжженный знак — тот же самый, что и на барельефах. Странный дракон.

Маттео отвернулся и пошёл за братом Ансельмо.

Келья, которую ему отвели, была маленькой и холодной. Кровать — узкая, с соломенным матрасом. Стол, стул, расписание на стене. Окно — забранное железной решёткой —

выходило на внутренний двор.

Брат Ансельмо ушёл, не сказав больше ни слова. Маттео остался один.

Он разложил свои вещи, повесил мокрую тунику над стулом, сел на кровать. В голове всё ещё звучал голос настоятеля: «Некоторые знания должны оставаться скрытыми». Что он имел в виду? И почему выбрал именно Маттео — учёного с репутацией человека, который не боится задавать вопросы?

Он достал из сумки записную книжку и угольный карандаш. Быстро записал:

«Сан-Микеле. Первый день. Барельефы: архангел и дракон — изображение странное, не каноническое. Настоятель знает больше, чем говорит. Привратник лжёт о том, где монахи. Библиотека завтра».

Он помолчал, потом добавил:

«Книга на столе настоятеля. Без названия. Знак дракона. Возможно, связана с тем, что я ищу».

Он закрыл книжку и лёг. Дождь стучал по крыше, и где-то далеко, в глубине аббатства, звонил колокол — медленно, мерно, отсчитывая время.

Маттео закрыл глаза.

Он не знал, что уже завтра найдёт первый труп.

Глава 2. Библиотека

Второй день. Утро.

Маттео проснулся от тишины.

Это было странно — засыпал он под звон колокола и стук дождя, а теперь не слышал ничего, кроме собственного дыхания. Он открыл глаза и увидел серый свет, сочившийся сквозь решётку окна. Дождь прекратился. Колокол молчал.

Он сел на кровати, растирая озябшие руки. Спал он плохо — соломенный матрас оказался жёстким, а воздух в келье — сырым и холодным. Но дело было не только в этом. Что-то не давало покоя, какая-то мысль, которую он не мог поймать. Что-то, связанное с книгой на столе настоятеля.

Он оделся, умылся из глиняного таза, стоявшего в углу, и вышел в коридор. Здесь было так же пусто, как и вчера. Только свеча горела в нише у лестницы, оплывая и потрескивая.

В трапезной его ждал скудный завтрак — хлеб, сыр, чаша разбавленного вина. Брат Ансельмо стоял у стены, сложив руки на груди. Он выглядел так, словно не спал всю ночь.

— Настоятель просил передать, — сказал он, не здороваясь, — что библиотека открыта для вас. Я провожу.

Маттео кивнул и быстро доел хлеб. Вино он оставил — оно отдавало чем-то кислым.

Они шли долго, петляя по коридорам и переходам. Аббат-

ство оказалось больше, чем казалось снаружи. Маттео заметил, что некоторые двери были заперты, а на иных висели тяжёлые железные замки. Он попытался запомнить дорогу, но повороты повторялись, и вскоре он сбился.

— Здесь был скрипторий, — сказал брат Ансельмо, указывая на длинное помещение за открытой дверью. — Теперь монахи работают в новых кельях.

Маттео заглянул внутрь. Скрипторий пустовал. Пюпитры были покрыты пылью, чернильницы высохли, а на полу валялись обрывки пергамента. На стене — ещё один барельеф с архангелом и драконом. Маттео уже начинал ненавидеть это изображение.

— Почему скрипторий заброшен? — спросил он.

— Слишком большой, — ответил брат Ансельмо. — И холодный.

Он пошёл дальше, не давая времени на новые вопросы.

Библиотека находилась в отдельном здании — приземистом, с толстыми стенами и единственным входом. Дверь была дубовая, окованная железом, с массивным замком. Брат Ансельмо достал ключ, висевший у него на поясе, и отпер её. Замок щёлкнул громко, с металлическим лязгом.

— Внутри никого нет, — сказал он. — Если что-то понадобится, зовите. Я буду снаружи.

— Вы не зайдёте?

— Нет. — Он отступил в сторону. — Библиотека — не моё место.

Маттео переступил порог.

Первое, что он почувствовал, — запах. Старый пергамент, кожа, пыль и что-то ещё, неуловимое, похожее на запах воска или ладана. Библиотека была большой — длинный зал с высокими сводами, вдоль стен — шкафы с книгами, прикованными цепями к полкам. Массивные тома в кожаных переплётках, некоторые — с металлическими застёжками и углами. Свет проникал через узкие окна под потолком, и в его лучах кружились пылинки.

Маттео медленно прошёл вдоль полок, читая корешки. Библия, комментарии отцов церкви, жития святых, хроники аббатства. Всё то, что он и ожидал увидеть. Но было и другое — тома на греческом, на арабском, на древнееврейском. Трактаты по медицине, астрономии, алхимии. Некоторые книги выглядели так, словно их не открывали десятилетиями.

Он остановился у дальнего шкафа. Здесь книги были старше — пергамент потемнел, переплётки потрескались. Он провёл пальцем по корешку одного тома и почувствовал, как под пальцами остаётся пыль.

«Historia Monastica», — прочитал он. История монастыря.

Он осторожно вытащил книгу с полки — цепь натянулась, не давая унести её далеко. Положил на ближайший пюпитр и открыл.

Первые страницы были написаны аккуратным каролингским минускулом — почерк монаха девятого века. Маттео

пробежал глазами по строкам. Основание аббатства, дарения, привилегии от пап и императоров. Ничего необычного.

Но ближе к середине он заметил нечто странное.

Одна из страниц была вырвана. Не вырезана аккуратно, а именно вырвана — с неровными краями, с клочками пергамента, оставшимися у корешка. Маттео перевернул страницу. Следующая тоже была вырвана. И ещё одна.

Он нахмурился и вернулся к началу. Внимательно перечитал список настоятелей аббатства. Имена, даты, годы правления. Всё шло подряд, без пропусков — кроме одного места. Между настоятелем Иоанном, правившим в 1187–1203 годах, и его преемником Григорием, вступившим в должность в 1204 году, зиял пробел. Словно кто-то был вычеркнут из списка.

Маттео достал записную книжку и записал:

«*Historia Monastica*. Вырваны страницы. Пропуск в списке настоятелей между 1203 и 1204. Кто-то был вычеркнут».

Он закрыл книгу и поставил её на место. Потом прошёл дальше, к следующему шкафу. Здесь хранились рукописи в отдельных футлярах, некоторые — с пометками на латыни. Он вытащил один футляр и открыл его.

Внутри лежал кодекс — небольшой, в переплёте из тёмной кожи. На форзаце — экслибрис: герб с двумя ключами и мечом. Маттео узнал его — это был герб епископов Ареццо. Но под гербом была приписка, сделанная другой рукой, более поздней: «*Liber prohibitus*». Запрещённая книга.

Он открыл кодекс. Первая страница была почти нечитаемой — текст выцвел, чернила побледнели. Но Маттео разобрал несколько слов: «...и сказал Господь...». Обычное начало. Он перевернул страницу.

И замер.

На второй странице текст был другим. Не латынь, не греческий. Странные знаки — угловатые, переплетающиеся, похожие на руны, но не руны. Они были написаны поверх старого текста — или, вернее, вместо него. Кто-то соскоблил первоначальные буквы и написал эти знаки.

Маттео наклонился ближе. Знаки были ему незнакомы. Он знал латынь, греческий, немного арабский и древнееврейский. Но это... это было что-то другое.

Он перевернул ещё несколько страниц. Тот же самый текст — странные знаки, идущие строка за строкой, без пробелов, без заглавных букв. И только на последней странице кодекса, в самом низу, была сделана приписка на латыни — торопливым, неровным почерком:

«Qui legit, maledictus est».

Кто прочтёт — да будет проклят.

Маттео закрыл кодекс. Руки его слегка дрожали. Он не верил в проклятия, но что-то в этих знаках, в этой книге, вызвало у него смутное беспокойство. словно он прикоснулся к чему-то, что лучше было не трогать.

Он поставил футляр на место и сделал ещё одну запись: «Кодекс с гербом Ареццо. Текст неизвестен — не латынь,

не греческий. Приписка: "Кто прочтёт — да будет проклят". Возможно, связан с вырванными страницами».

Он провёл в библиотеке ещё несколько часов. Просмотрел ещё десяток книг, но ничего столь же странного не нашёл. В основном — богословские трактаты, жития, комментарии. Ничего, что объяснило бы вырванные страницы или странный кодекс.

К вечеру он устал. Глаза болели от напряжения, спина затекла от долгого сидения над пюпитром. Он собрал свои записи и направился к выходу.

Брат Ансельмо ждал его снаружи, прислонившись к стене. Увидев Маттео, он выпрямился.

— Закончили?

— На сегодня — да, — ответил Маттео. — Скажите, брат Ансельмо, в библиотеке есть каталог?

— Каталог?

— Список всех книг. Я хотел бы свериться.

Брат Ансельмо помолчал. Потом покачал головой.

— Каталог у настоятеля, — сказал он. — Но некоторые книги в него не внесены.

— Не внесены? Почему?

— Такова воля настоятеля.

Он запер библиотеку и пошёл впереди, не оборачиваясь. Маттео последовал за ним, чувствуя, как в груди растёт холодное, тяжёлое предчувствие.

Он вернулся в келью, сел на кровать и достал записную

книжку. Перечитал записи. Вырванные страницы. Пропуск в списке настоятелей. Кодекс с непонятными знаками. Книги, которых нет в каталоге.

Он закрыл книжку и уставился на распятие на стене. Что здесь происходит? И почему настоятель выбрал именно его — человека, который задаёт слишком много вопросов?

Ответа не было.

Он лёг, но сон не шёл. Он лежал в темноте, слушая, как где-то в глубине аббатства снова начинает звонить колокол — медленно, мерно, отсчитывая время.

А потом услышал крик.

Глава 3. Первый мёртвый

Второй день. Ночь.

Крик оборвался так же внезапно, как и начался.

Маттео вскочил с кровати, ещё не понимая, что происходит. Сердце колотилось где-то в горле, руки сами нашарили на столе нож — небольшой, для письма, но всё же оружие. Он замер, прислушиваясь. Тишина. Только колокол всё ещё гудел — глухо, тревожно, словно бил в набат.

Потом слышались шаги. Быстрые, топот многих ног по каменным плитам. Крики — приглушённые, испуганные. Маттео натянул тунику, сунул ноги в башмаки и выскочил в коридор.

Мимо пробежал монах с факелом в руке. Лицо его было белым, глаза — расширенными. Он не взглянул на Маттео, только промчался дальше, к лестнице. Маттео бросился за ним.

Он догнал его на нижней галерее, где уже собралась небольшая толпа — монахи в тёмных рясах, послушники, несколько слуг. Все они стояли полукругом у входа в один из коридоров, ведущих в восточное крыло. Там, в глубине, мерцал свет — ещё факелы.

Маттео протиснулся вперёд.

— Что случилось? — спросил он у ближайшего монаха.

Тот обернулся. Молодой, с прыщавым лицом и дрожащи-

ми губами.

— Брат... брат Феличе, — выдавил он. — Он... он мёртв.

— Где?

— В своей келье. — Монах перекрестился. — Дверь была заперта изнутри.

Маттео почувствовал, как холодок пробежал по спине. Заперта изнутри.

Он шагнул вперёд, расталкивая монахов. Никто его не остановил — все словно оцепенели. Коридор был узким, освещённым всего двумя факелами. В конце — дверь. Она была приоткрыта, и в щель пробивался свет.

У двери стоял настоятель.

Он был в той же чёрной рясе, с тем же серебряным крестом. Лицо его казалось высеченным из камня — ни страха, ни скорби, только странная, тяжёлая задумчивость. Рядом с ним — брат Ансельмо, бледный как полотно.

— Отец настоятель, — начал Маттео, но настоятель поднял руку, останавливая его.

— Не входи, — сказал он тихо. — Пока не входи.

— Я должен увидеть.

— Зачем? Ты — учёный, не лекарь.

— Я видел смерть, — ответил Маттео. — И знаю, что она может рассказать.

Настоятель долго смотрел на него. Потом отступил в сторону.

— Хорошо. Смотри. Но помни — то, что ты увидишь,

останется, между нами.

Маттео кивнул и шагнул в келью.

Первое, что бросилось в глаза, — запах. Не запах смерти, нет. Запах чернил. Сладковатый, резкий, он висел в воздухе, словно кто-то опрокинул чернильницу. И ещё — запах воска. Свеча догорела, оставив только оплывший огарок на столе.

Брат Феличе лежал на полу.

Он был немолод — лет пятидесяти, с седеющими волосами и морщинистым лицом. Лежал на спине, раскинув руки, словно пытался схватить что-то в воздухе. Глаза его были открыты — широко, неестественно широко. Рот приоткрыт. На лице застыло выражение... Маттео не сразу понял, какое. Не ужас. Не боль. Удивление. Словно в последний миг он увидел что-то, чего не ожидал.

На груди монаха лежала книга.

Маттео присел на корточки. Книга была раскрыта — страницы веером, словно ветер перелистал их. Но окна в келье не было — только узкая бойница под потолком, забранная решёткой. Ветер сюда попасть не мог.

Он наклонился ближе. Страницы были покрыты знаками. Те же самые знаки, что он видел в библиотеке — угловатые, переплетающиеся, чужие. Они шли ровными строками, без пробелов, без заглавных букв. И чем дольше Маттео смотрел на них, тем сильнее становилось ощущение, что эти знаки движутся — медленно, как рябь на воде.

Он моргнул и отвёл взгляд.

— Кто нашёл тело? — спросил он, поднимаясь.

— Я. — Голос из толпы. Молодой послушник, тот самый, с прыщавым лицом. — Я принёс ему воду. Постучал. Никто не ответил. Я толкнул дверь — она была заперта. Тогда я позвал брата Ансельмо.

— Дверь была заперта изнутри?

— Да. На засов.

Маттео обернулся к двери. Засов был простой — деревянный брус, вставлявшийся в железные скобы. Сейчас он был отодвинут. Но если дверь была заперта изнутри, а брат Феличе лежал мёртвый... кто отодвинул засов?

— Кто-то ещё входил в келью? — спросил он.

— Нет, — ответил брат Ансельмо. — Я пришёл первым. Дверь была заперта. Мне пришлось выломать её.

Маттео посмотрел на дверь. Петли были целы, но дерево вокруг замка треснуло — следы свежие, светлые на тёмном фоне. Да, её действительно выломали.

Он снова обернулся к телу. Что-то здесь было не так. Что-то, что не давало ему покоя.

— Брат Феличе был переписчиком? — спросил он.

— Да, — ответил настоятель из коридора. — Одним из лучших.

— Что он переписывал в последние дни?

Молчание. Долгое, тяжёлое.

— Он работал с одной рукописью, — сказал наконец на-

стоятель. — Из тех, что не внесены в каталог.

— С той самой, что я видел в библиотеке? С гербом Ареццо?

Настоятель не ответил. Но его молчание было красноречивее слов.

Маттео опустился на колени рядом с телом и осторожно, двумя пальцами, приподнял книгу. Она была тяжёлой — не меньше фунта. Переплёт из тёмной кожи, потёртый, с застёжками из потемневшего серебра. На корешке — выжженный знак. Тот самый дракон. Тот самый, что на барельефах.

— Это та книга, — сказал он тихо. — Та, что лежала на столе настоятеля вчера вечером.

Он поднял глаза. Настоятель смотрел на него в упор. Взгляд был тяжёлым, немигающим.

— Да, — сказал он. — Та самая.

— Что это за книга?

— Это... — настоятель помедлил. — Это то, что не должно существовать.

Он шагнул в келью, наклонился и закрыл глаза брату Феличе. Движение было медленным, почти нежным.

— Уходите все, — сказал он. — Брат Ансельмо, позаботься о теле. Остальные — по кельям. Утром мы решим, что делать.

Монахи начали расходиться. Маттео остался на месте.

— Отец настоятель, — сказал он. — Брат Феличе умер не своей смертью.

Настоятель выпрямился. Лицо его осталось непроницаемым.

— Что ты хочешь сказать?

— На его лице — удивление. Не страх, не боль. Удивление. Словно он увидел что-то, чего не ожидал. И книга... она раскрыта. Страницы перелистаны. Но окна в келье нет. Ветра нет. Кто перелистал страницы?

— Возможно, он сам, — ответил настоятель. — В предсмертной агонии.

— Возможно, — согласился Маттео. — Но тогда почему дверь была заперта изнутри? И кто отодвинул засов?

Настоятель молчал. Долго. Потом вздохнул — тяжело, устало.

— Ты задаёшь слишком много вопросов, Маттео ди Барди, — сказал он. — Я предупреждал тебя вчера. Некоторые знания должны оставаться скрытыми.

— А некоторые смерти — оставаться необъяснёнными?

— Иногда — да.

Он повернулся и вышел из кельи. Брат Ансельмо последовал за ним, бросив на Маттео быстрый, нечитаемый взгляд.

Маттео остался один. Он ещё раз посмотрел на тело — на застывшее лицо, на раскрытую книгу, на странные знаки, которые, казалось, всё ещё двигались в свете догорающей свечи. Потом достал записную книжку и записал:

«Брат Феличе. Переписчик. Мёртв в запертой келье. На груди — та самая книга. Знаки. Удивление на лице. Дверь

заперта изнутри, но засов отодвинут. Настоятель знает больше, чем говорит. Книга — ключ ко всему».

Он закрыл книжку, сунул её за пазуху и вышел из кельи.

Колокол снова начал звонить — медленно, мерно, отсчитывая время. Но теперь его звон казался Маттео похоронным.

Глава 4. Келья с запертой дверью

Третий день. Раннее утро.

Маттео не спал.

Он лежал на кровати, уставившись в потолок, и слушал, как в аббатстве один за другим стихают звуки. Шаги в коридоре. Приглушённые голоса. Скрип закрываемых дверей. Потом всё смолкло — и остался только дождь, снова начавшийся под утро.

Он встал, когда за окном начало сереть. Оделся, сунул записную книжку за пазуху и вышел.

Келья брата Феличе находилась в восточном крыле — самом старом, где стены были сложены из грубого камня, а потолки нависали низко, как в склепе. Маттео шёл туда не таясь. Если его спросят, он скажет, что хотел помолиться за упокой души усопшего. Это звучало достаточно благочестиво.

Но никто его не остановил. Коридор был пуст, и только редкие свечи в нишах горели — оплывшие, тусклые. Дверь в келью Феличе была заперта на замок. Маттео помедлил. Потом присел, осмотрел замок. Простой, железный, с замочной скважиной. Следов взлома нет.

Он выпрямился и огляделся. Что он надеялся найти? Что кто-то забыл открыть дверь? Что тело всё ещё там?

Тела не было. Брат Ансельмо распорядился перенести его

в часовню — ещё вечером, пока Маттео сидел в своей келье и записывал. Монахи должны были приготовить тело к погребению.

Но кое-что осталось.

Маттео посмотрел на пол. У порога, между камнями, темнело пятно. Не кровь — чернила. Он заметил их ещё вчера, но не придавал значения. Теперь присел и провёл пальцем. Чернила были сухие, но не полностью — в глубине пятна ещё оставалась влага. Свежие.

Он поднял голову. Взгляд скользнул по стене — и остановился.

На камне, чуть выше уровня глаз, были царапины. Неровные, торопливые. Маттео наклонился ближе. Это были буквы. Латинские. Он разобрал с трудом:

«Vid...»

И ниже — ещё одна строка, почти стёртая, словно писавший провёл по ней рукой:

«...oculus...»

Маттео нахмурился. Vid... oculus... Видел... глаз? Или — око? Он попытался вспомнить, какие латинские слова начинаются с vid — video, videre, viduus, vidua. Видеть. Видел. И oculus — глаз.

Он достал записную книжку и переписал царапины. Потом провёл пальцем по стене рядом. Ничего. Только эти два слова.

Он выпрямился. Значит, брат Феличе успел что-то напи-

сать перед смертью. На стене. Своей рукой — или чужой? Если он умирал, у него не было времени выцарапывать буквы на камне. Разве что... он писал не перед смертью, а раньше. Или — кто-то другой оставил это послание. Для него, Маттео.

Он отступил от стены. Оглядел коридор. Пусто. Тихо. Только дождь стучит по крыше.

Он вернулся к двери и ещё раз осмотрел засов. Деревянный брус, вставленный в железные скобы. Простой, надёжный. Если его задвинуть изнутри, снаружи дверь не открыть — разве что выломать. Брат Ансельмо сказал, что выломал. Следы на дереве подтверждали это. Но...

Маттео присел, заглянул под дверь. Щель была узкой, но достаточной, чтобы просунуть тонкий предмет. Он помедлил. Потом вытащил из-за пазухи перо — гусиное, с обрезанным концом. Просунул его в щель и повёл из стороны в сторону. Кончик пера скользнул по чему-то твёрдому. Маттео надавил. Раздался тихий щелчок — и засов сдвинулся.

Он замер.

Потом медленно вытащил перо и посмотрел на него. Кончик был погнут. Он снова заглянул в щель. Засов теперь был отодвинут. Он сделал это пером. Снаружи.

Значит, дверь можно было запереть и снаружи — если знать как. Тонкий предмет, просунутый в щель, надавливал на язычок засова... Но тогда получалось, что кто-то запер брата Феличе изнутри? Или запер его в келье снаружи, а по-

том отодвинул засов, чтобы все думали, что дверь была заперта изнутри?

Маттео покачал головой. Слишком сложно. Слишком запутанно. Но одно он знал точно: дверь не была заперта изнутри. Кто-то хотел, чтобы все так думали.

Он снова посмотрел на царапины на стене. Vid... oculus... Видел... глаз...

Что видел брат Феличе? Что он пытался сказать?

Маттео закрыл записную книжку и пошёл прочь от кельи. Ему нужно было попасть в библиотеку. Ещё раз. И найти ту книгу.

В библиотеке было темно и холодно. Дождь стучал по крыше, и звук отдавался под сводами гулким эхом. Маттео зажёл свечу от огнива — руки дрожали, но он справился. Свет выхватил из темноты полки, футляры, пюпитры.

Он пошёл прямо к тому шкафу, где вчера нашёл кодекс с гербом Ареццо. Открыл дверцу. Футляр был на месте. Он вытащил его, положил на пюпитр, открыл.

Книга исчезла.

В футляре лежал только обрывок пергамента. Маттео взял его. На обрывке было что-то написано — тем же торопливым почерком, что и приписка в конце кодекса. Он поднёс пергамент к свече и прочитал:

«Quod oculus non vidit...»

«То, чего глаз не видел...»

Он перевернул обрывок. На обороте — ещё несколько

слов, почти стёртых:

«...nec auris audivit».

«...и ухо не слышало».

Маттео узнал эти слова. Послание к Коринфянам. «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». Но здесь они были написаны иначе — без продолжения, без утешения. Обрывок фразы. Кто-то вырвал её из контекста — и из книги.

Он перечитал царапины на стене в памяти: Vid... oculus... Видел... глаз... И этот обрывок: «То, чего глаз не видел».

Брат Феличе пытался что-то сказать. Что-то, связанное с этой книгой. С тем, что он видел — или не видел.

Маттео положил обрывок в записную книжку и закрыл футляр. Потом обвёл взглядом библиотеку. Книга исчезла. Кто-то забрал её — между вечером и утром. Кто-то, у кого был ключ. Кто-то, кто знал, что Маттео найдёт её.

Он вернулся к полке с «Historia Monastica». Книга была на месте. Он вытащил её, открыл на том месте, где были вырваны страницы. Пропуск в списке настоятелей. Между Иоанном и Григорием. 1203–1204.

Он провёл пальцем по краю вырванной страницы. Потом наклонился ближе. На корешке, у самого сгиба, остался крошечный обрывок пергамента — почти незаметный. Маттео поддел его ногтем. На обрывке была буква. Одна буква. «В».

Он снова открыл записную книжку и записал:

«Книга исчезла из футляра. Вместо неё — обрывок пергамента: "То, чего глаз не видел, и ухо не слышало". Брат Феличе написал на стене: "Vid... oculus..." Возможно, он пытался написать то же самое. Пропуск в списке настоятелей: между 1203 и 1204. На корешке — буква "B"».

Он закрыл книжку. Посмотрел на свечу. Огарок догорал. И тут он услышал шаги.

Медленные. Тяжёлые. Кто-то шёл по библиотеке — прямо к нему.

Маттео замер. Шаги приближались. Свеча дрогнула в его руке.

Из темноты выступила фигура. Брат Ансельмо.

— Вы рано встали, — сказал он. Голос был ровным, но глаза — настороженными. — Настоятель просил вас не покидать келью до утренней службы.

— Я не мог уснуть, — ответил Маттео. — Пришёл помолиться.

Брат Ансельмо посмотрел на пюпитр, на открытый футляр, на «Historia Monastica» в руках Маттео.

— Здесь не место для молитв, — сказал он. — Идёмте. Утренняя служба скоро начнётся.

Маттео кивнул. Он поставил книгу на место, закрыл футляр и пошёл за братом Ансельмо. Но в дверях он обернулся.

Библиотека осталась позади — тёмная, молчаливая. И где-то в её глубине, на одной из полок, лежала книга, которой не должно было существовать. Книга, за которую убили

брата Феличе.

И убийца всё ещё был здесь.

Глава 5. Настоятель

Третий день. После утренней службы.

Утренняя служба тянулась бесконечно.

Маттео стоял в часовне среди монахов, опустив голову и шевеля губами в такт молитвам, которых не слышал. Своды часовни давили на него, как каменная плита. Пахло ладаном и воском, и этот запах казался ему сейчас удушливым. Монахи пели — монотонно, на одной ноте, и голоса их отдавались под куполом глухим гулом.

Он смотрел на братию — на эти десятки лиц, скрытых капюшонами. Кто из них? Кто забрал книгу из библиотеки? Кто запер дверь кельи брата Феличе? Кто стоял рядом с ним вчера вечером у тела и молчал?

Настоятель служил сам. Его голос — тихий, но отчётливый — вёл молитву, и монахи отвечали ему хором. Маттео наблюдал за ним сквозь полуопущенные ресницы. Старик стоял прямо, не горбясь, и лицо его было спокойным — слишком спокойным для человека, чей монах умер прошлой ночью.

Когда служба закончилась, монахи начали расходиться. Маттео шагнул к выходу вместе с ними, но его остановил брат Ансельмо.

— Настоятель хочет вас видеть, — сказал он. — В своей келье.

Маттео кивнул. Он ждал этого.

Келья настоятеля находилась в западной башне — самой старой части аббатства. Маттео шёл за братом Ансельмо по винтовой лестнице, и каждый шаг отдавался эхом в каменном колодце. Наверху, у тяжёлой двери, брат Ансельмо остановился.

— Входите, — сказал он. — Я подожду здесь.

Маттео толкнул дверь.

Келья настоятеля оказалась неожиданно просторной. Окно — широкое, без решётки — выходило на ущелье. Сквозь мутное стекло виднелись горы, укрытые туманом. У стены — узкая кровать, простая и жёсткая. Пюпитр с раскрытой книгой. Стол, на котором стоял кувшин с вином и две чаши. И — что удивило Маттео больше всего — полки с книгами. Не библиотека, но десятка три томов. Некоторые он узнал — те же, что видел внизу.

Настоятель сидел у окна, глядя на горы. Когда Маттео вошёл, он не обернулся.

— Садись, — сказал он. — Вон там, на стул.

Маттео сел. Молчание затянулось. Настоятель всё смотрел в окно, и лицо его было неподвижным, как у человека, который давно перестал удивляться чему-либо.

— Ты был в библиотеке ночью, — сказал он наконец.

Это был не вопрос.

— Да.

— Искал книгу.

— Да.

Настоятель медленно повернулся. Глаза его были усталыми — очень усталыми.

— Ты нашёл футляр, — продолжил он. — Книги там нет. Я забрал её.

Маттео напрягся.

— Почему?

— Потому что она убивает тех, кто её читает.

Слова прозвучали просто, без пафоса. Настоятель говорил так, как говорят о вещах очевидных и неизбежных — о дожде, о зиме, о смерти.

— Брат Феличе переписывал её, — сказал Маттео. — Он умер.

— Да.

— И вы знали, что он умрёт?

Настоятель помолчал. Потом взял со стола чашу и отпил вина.

— Я знал, что это возможно, — ответил он. — Я предупредил его. Он не послушал.

— Что это за книга?

— Ты не поймёшь.

— Попробуйте объяснить.

Настоятель посмотрел на него долгим взглядом. Потом вздохнул.

— Эта книга... — начал он, — написана не человеком.

Маттео ждал продолжения.

— Вернее, — настоятель помедлил, подбирая слова, — она написана человеком, но не тем, кем он был. Или — не только им. Я не знаю, как это объяснить. Я читал её. Один раз. Много лет назад. И то, что я там увидел... — он замолчал.

— Что вы увидели?

— Я увидел, — сказал настоятель тихо, — что мир не таков, каким мы его считаем. Что история, которую мы знаем, — ложь. Что церковь, которой я служу всю жизнь, основана на... — Он оборвал себя. — Нет. Больше я ничего не скажу. Он поставил чашу на стол. Рука его дрожала.

— Отец настоятель, — сказал Маттео. — Брат Феличе умер не своей смертью. Его убили.

— Я знаю.

Маттео замер.

— Знаете?

— Дверь была заперта изнутри, — сказал настоятель. — Но засов можно отодвинуть снаружи. Тонким предметом. Пером. Я знаю это. Я сам так делал, когда был молодым послушником и хотел пробраться в библиотеку ночью.

Он слабо улыбнулся — впервые за всё время.

— Значит, вы знали, что кто-то мог войти и выйти.

— Да.

— И всё равно сказали, что это несчастный случай?

— Я сказал то, что должен был сказать. — Настоятель снова стал серьёзным. — Если бы я объявил, что в аббатстве

убийца, братия впала бы в панику. Начались бы поиски. Подозрения. Монахи стали бы бояться друг друга. А убийца... — он покачал головой, — убийца стал бы осторожнее. Или убил бы снова.

— Но он и так убьёт снова, — сказал Маттео. — Если это связано с книгой...

— Да, — согласился настоятель. — Убьёт. Потому что книга не закончена. И тот, кто её убивает, хочет её закончить.

Маттео нахмурился.

— Закончить? Что это значит?

Настоятель встал и подошёл к пюпитру. На нём лежала раскрытая книга — та самая, с гербом Ареццо. Маттео узнал переплёт.

— Брат Феличе переписывал её, — сказал настоятель. — Не всю. Только фрагменты. Он говорил, что оригинал повреждён, что некоторые страницы утрачены, а другие — испорчены. Он хотел восстановить текст. Собрать его заново. — Он помолчал. — Я не должен был позволять ему. Но я... — Настоятель снова замолчал, потом закончил: — Я хотел узнать правду. Так же, как и ты.

Он повернулся к Маттео.

— Ты спрашивал, что это за книга. Я отвечу. Это Евангелие. Но не то, которое ты знаешь. Это Евангелие, написанное от лица... — он запнулся, — от лица того, кого церковь называет предателем.

Маттео почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

— Иуды, — прошептал он.

Настоятель кивнул.

— Евангелие от Иуды. Оно было осуждено как ересь ещё в четвёртом веке. Считалось утраченным. Но здесь, в этом аббатстве, оно хранилось — веками. В тайне. — Он посмотрел на книгу. — И теперь кто-то хочет его уничтожить. Или — завершить. Я не знаю.

Маттео встал. Ноги его были как ватные.

— Кто ещё знает о книге?

— Брат Феличе знал. Теперь — ты. И убийца. — Настоятель помолчал. — И, возможно, ещё один человек. Тот, кто был здесь до тебя. Учёный из Флоренции. Он приезжал два месяца назад. Работал в библиотеке. Потом уехал — внезапно, ночью. Я не знаю, что он нашёл. Но после его отъезда брат Феличе начал вести себя странно. Он говорил, что за ним следят. Что кто-то роется в его бумагах.

— Вы сообщили об этом?

— Кому? — Настоятель горько усмехнулся. — Епископу? Он бы сжёг и книгу, и меня вместе с ней. Церковь не любит, когда в её подвалах находят то, что она когда-то сожгла.

Маттео молчал. В голове у него всё смешалось. Евангелие от Иуды. Учёный из Флоренции. Убийца, который хочет закончить книгу.

— Отец настоятель, — сказал он наконец. — Вы должны отдать книгу мне.

— Нет.

— Я учёный. Я могу...

— Ты можешь умереть. Как брат Феличе.

— Тогда вы должны уничтожить её.

— Я пробовал. — Настоятель покачал головой. — Дважды. Но каждый раз... — он замолчал. — Каждый раз что-то останавливало меня. Я не знаю, что это было. Может, страх. Может, что-то другое. Книга... она не хочет умирать.

Маттео посмотрел на книгу. Она лежала на пюпитре, раскрытая, и знаки на её страницах казались ему теперь живыми — они двигались, переплетались, складывались в слова, которых он не понимал.

— Я хочу прочитать её, — сказал он.

— Нет.

— Я должен.

— Должен — кому? — Настоятель шагнул к нему. — Ты ничего не должен этой книге. Ты не знаешь, с чем имеешь дело. Брат Феличе тоже не знал. Он думал, что сможет справиться. Он был умён — умнее многих. И что? Он лежит в часовне, и глаза у него открыты, потому что он увидел что-то, чего не смог вынести.

Маттео вспомнил лицо брата Феличе. Удивление. Не страх. Удивление.

— Что он увидел?

— Я не знаю. — Настоятель отвернулся. — И не хочу знать.

Он подошёл к окну и снова уставился на горы. Молчание затянулось. Маттео стоял, не зная, что сказать. Потом шагнул к пюпитру.

— Не смей, — сказал настоятель, не оборачиваясь.

Маттео остановился.

— Я не трону книгу, — сказал он. — Но я найду убийцу.

Настоятель обернулся. В глазах его было что-то — надежда? страх?

— Как?

— Я начну с учёного из Флоренции. Как его звали?

Настоятель помедлил.

— Никколо ди Лукка, — сказал он. — Он работал с рукописями. Но я не знаю, где он сейчас. Он уехал, и с тех пор я не получал от него вестей.

— Он оставил что-нибудь? Записи?

— Возможно. В скриптории. Там остались его бумаги.

Маттео кивнул.

— Я схожу туда.

Он направился к двери. У порога обернулся.

— Отец настоятель. Вы сказали, что читали книгу один раз. Что вы там увидели? Что именно?

Настоятель долго молчал. Потом ответил — тихо, почти шёпотом:

— Я увидел, что Иуда не предавал Христа. Он выполнял его волю. И что церковь... — Он замолчал. — Нет. Иди. И будь осторожен. Убийца всё ещё здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.